

В.Е.Ветловская

ИЗ КОММЕНТАРИЯ К РОМАНУ «БЕДНЫЕ ЛЮДИ»¹

Далеко не все, что лежит на поверхности текста, сразу привлекает внимание исследователя и говорит о необходимости комментария и указания на источник. Очень часто путь от мотивов изучаемого произведения к их литературной и реальной основе и темен, и запутан. В свое время в книге о «Бедных людях» мне довелось писать о том, что в первых письмах Макара Алексеевича и Вареньки, открывающих роман, можно усмотреть намеки, увязывающие утро весеннего дня, в который начинается рассказ, с общим истоком человеческой судьбы и первыми днями Творения мира. В пользу этого соображения свидетельствуют отсылки к Библии (Ветхому и Новому Заветам), мотивы весны (начало года), утра (начало дня); мотивы рая, райской чистоты, света, красоты и счастья (блаженное начало жизни человеческого рода); наконец, мотивы, передающие особый счет времени, дней, — не только с утра до вечера, но и с вечера до утра: «Вчера я был счастлив, чрезмерно счастлив, донельзя счастлив! <...> **Вечером** <...> **просыпаюсь...**»; «...чуть поработаешь **вечером** <...> **наутро** и глаза покраснеются...»; «Ну, а какова наша придумочка насчет занавески вашей, Варенька? <...> **...ложусь ли спать, просыпаюсь ли**, уж знаю <...>. Опустите занавеску — значит, **прощайте**, Макар Алексеевич, **спать пора!** Подымете — значит, **с добрым утром**, Макар Алексеевич, ка-

© В.Е.Ветловская, 2014

¹ В основу статьи положен доклад, прочитанный в Литературно-мемориальном Музее-квартире Ф. М. Достоевского (Санкт-Петербург) 12.11.2009 г.

ково-то вы спали...» (1; 13, 14). За этой последовательностью вечера и утра (а также: ложусь ли спать — просыпаюсь; прощайте — здравствуйте и т. д.) стоит известный мотив библейского повествования о сотворении мира: «И был вечер, и было утро: день один» (Быт. 1: 5). Далее: «И насадил Господь Бог рай в Едеме на востоке, и поместил там человека, которого создал» (Быт. 2: 8); «И был вечер, и было утро: день шестой» (Быт. 1: 31). К седьмому дню закончилось Творение мира: «И совершил Бог к седьмому дню дела Свои, которые Он делал, и почил в день седьмой от всех дел Своих <...>. И благословил Бог седьмой день, и освятил его...» (Быт. 2: 2–3).²

В логике названных мотивов трудное шествие человечества по историческим путям своим начинается в день восьмой. Именно этим числом помечено первое письмо Макара Алексеича к Вареньке, ее ответ и новое письмо героя, с которых и завязывается их переписка: «Апреля 8» (1; 13, 17, 19).³ Восьмое апреля повторяется трижды, и такой повтор, безусловно, подчеркивает повышенную значимость выбранной даты.

Анализ начала романа и отмеченные здесь переключки вызвали возражения. И. Д. Якубович в статье о «Бедных людях» утверждает, что в словах Макара Алексеича и Вареньки нет никакого подтекста, что даты писем героев просто связаны с этапами работы Достоевского над своим сочинением. Исследовательница поясняет: «Достоевский писал брату 30 сентября 1844 г.: „Я кончаю роман в объеме «Eugénie Grandet». Роман довольно оригинальный. <...> Отдам в «О<течественные> з<а-писки>». (Я моей работой доволен). <...> Я чрезвычайно доволен романом моим. Не нарадуюсь“ (28; 100–101). 30-е же сентября — дата последнего письма Макара Алексеича Девушкина в „Бедных людях“. Роман окончен. Случайно ли такое совпадение?»⁴.

Сразу заметим, что никакого совпадения нет. Достоевский пишет брату, что он *кончает* роман, а не *окончил* его, как утверждает И. Д. Якубович. Надо ли говорить, что *кончает* и *окончил* — разные вещи? В действительности, писатель работал над романом вплоть до конца мая — начала июня 1845 г., когда он отдал произведение Некрасову. Некоторые детали свидетельствуют о том, что изменения

² Подробнее об этом см.: Ветловская В. Е. Роман Ф. М. Достоевского «Бедные люди». Л., 1988. С. 62 и след.

³ Там же. С. 76 и след.

⁴ Якубович И. Д. Достоевский в работе над романом «Бедные люди» // Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1991. Т. 9. С. 39.

и правку он вносил в текст «Бедных людей» и далее, возможно — до тех пор, пока роман не вышел в свет (середина января 1846 г.).

И. Д. Якубович продолжает: «В. Е. Ветловская, вскрывая внутренний символический смысл романа, находит дату первого письма Макара — 8 апреля — днем, последующим за радостным седьмым днем сотворения мира. Если принять подобное толкование, то необходимо объяснить с этой же точки зрения все последующие даты. Заметим, что восьмым днем творения по библейской мифологии должен быть день, следующий за днем отдыха; как явствует из текста романа, первое письмо Макара Алексеевича написано в субботу, так как „завтра“ он собирается увидеть Вареньку „у всенощной“, т. е. на воскресной церковной службе. Справившись в „Хронологическом справочнике“, выясняем, что в 1844 г. 8 апреля действительно приходилось на субботу. Опять совпадение?» И наконец, в качестве итога полемики, сводящейся к приведенным здесь положениям, исследовательница заключает: «Автобиографический метод в свое время подвергся справедливой критике, но увлеченность анализом текста приводит к другой крайности»⁵.

Начнем с конца. 8 апреля в 1844 г. действительно приходилось на субботу.⁶ Но к роману она не имеет никакого отношения. Макар Алексеевич говорит Вареньке о встрече «завтра у всенощной» (1; 21). Однако «всенощная», вопреки тому, что пишет И. Д. Якубович, не «воскресная церковная служба», а вечерняя служба накануне воскресного дня или какого-либо другого большого православного праздника. Такого праздника вблизи 8 апреля (по старому стилю, разумеется) в церковном календаре нет. Стало быть (если следовать рассуждению И. Д. Якубович), 8 апреля, когда Макар Алексеевич пишет Вареньке, не суббота (как это было в 1844 г.), а пятница. Но и пятница тут ни при чем, поскольку «всенощная» (изначально: ночная служба перед праздничной литургией), состоящая из вечерни и утрени⁷, может означать и как правило означает (в устах простонародья, во всяком случае) просто вечерню. Это замена одного понятия другим по принципу обычной метонимии: часть замещает целое, а целое — часть. В Акаде-

⁵ Там же. С. 39, 40.

⁶ См.: Месяцослов [так — В. В.] на (високосный) 1844 год. СПб.: Императорская Академия Наук. С. 14; Хронологический справочник (XIX и XX века) / Сост. М. И. Перпер. Л., 1984. С. 15.

⁷ См.: *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978. Т. 1. С. 264.

мическом словаре русского языка сказано: «**Всенощная**, –ой, жс. Вечерняя церковная служба у православных христиан»⁸. И только.

Судя по всему, Достоевскому были важны месяц и число и абсолютно безразличен день недели. Что касается необходимости «объяснить с этой точки зрения (то есть отсылки к дням Творения мира. — В. В.) все последующие даты» переписки героев, то с этим дело обстоит предельно просто: каковыми бы они ни были в реальном плане романа, вплоть до последней («Сентября 30»), каждая из них и все они вместе в сакрально-символическом плане, как ясно, означают 8-е число.⁹ Такое стяжение не только дней, но и тысячелетий, в сущности, возможно и оправдано, ибо сказано: «...тысяча лет пред очами Твоими, как день вчерашний» (Пс. 89: 5). И еще: «...у Господа один день, как тысяча лет, и тысяча лет, как один день» (2 Петр. 3: 8).

Той же логике, что и Достоевский, только много позднее, следовал Уайлдер Торнтон (Thornton Wilder, 1897–1975) в романе, который так и называется — «День Восьмой» (1967). Один из его героев, философ местного значения, в канун наступающего нового года и нового века (31 декабря 1899 года) на просьбу рассказать, что он думает о грядущем столетии, отвечает так: «Природа не ведает сна. Жизнь никогда не останавливается. Сотворение мира не закончено. Библия учит нас, что в День Шестой Бог сотворил человека и потом дал себе отдых, но каждый из шести дней длился миллионы лет. День же отдыха был, верно, очень коротким. Человек не завершение, а начало. Мы живем в начале второй недели Творения. Мы — дети Дня Восьмого»¹⁰.

⁸ Словарь русского языка: В 4 т. 2-е изд., испр. и доп. М., 1981. Т. 1. С. 230.

⁹ Ср.: «Переписка Макара Алексеевича и Вареньки начинается 8 апреля. В русле тех мотивов, которые говорят о далекой предыстории рассказа, это нужно прочитать так: „И был вечер, и было утро: день восьмой“. Настоящее время здесь расширяется и обнимает собою все историческое время существования человечества. Подобно тому, как Гердер, стараясь увязать естественную историю вселенной с библейским мифом о сотворении мира, полагал, что „дни творения“ нельзя понимать буквально, ибо „эти творческие акты, вне всякого сомнения, продолжались тысячелетиями“ (Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977. С. 275), Достоевский многие тысячелетия реальной (не мифической) истории человечества сводит к одному дню. Он начался неясными отблесками былого счастья и продолжился так, как следует: „Сегодня и тоска, и скудно, и грустно! Знать, уж день такой!“ (1; 19)» (Ветловская В. Роман Ф. М. Достоевского «Бедные люди». С. 76).

¹⁰ Уайлдер, Торнтон. Мост короля Людовика Святого. Мартовские иды. День Восьмой. М., 1982. С. 305. Любопытно, что в этом романе Уайлдера о Восьмом дне много прямых и косвенных переключек с произведениями классической русской литературы — в частности, с Достоевским.

В согласии с той же идеей, неоправданно сближающей даты романа «Бедные люди» с биографической канвой, И. Д. Якубович относит начало работы писателя над первым произведением именно к апрелю. В «Летописи жизни и творчества Достоевского» она пишет: «**Апреля начало.** Д<остоевский> начинает работать над романом „Бедные люди“. — 1, 464–465; *Материалы и исследования*. Т. 9. С. 39–42»¹¹. Ссылка на «Материалы и исследования» имеет в виду доводы автора в той статье, о которой выше шла речь. Ссылка на комментарий Е. А. Вагина и Г. М. Фридендера в первом томе академического издания¹² противоречит тому, что утверждает И. Д. Якубович. В этом комментарии читаем: «...в январе и ноябре 1877 г. Достоевский дважды заявил в „Дневнике писателя“, что „Бедные люди“ были начаты в 1844 г. „вдруг“, „в начале зимы“, и эти свидетельства нужно признать более достоверными (чем те, которые говорят о начале работы над романом еще в Инженерном училище или даже до поступления в него. — В. В.) <...>. Предпочсть указанную самим Достоевским дату (т. е. начало зимы 1844 г.) как исходную для работы над „Бедными людьми“, в противовес гипотезам мемуаристов, заставляет не только отсутствие документальных свидетельств, которые устанавливали бы существование более раннего замысла „Бедных людей“, но и самый характер этого замысла: он знаменовал резкую смену ориентиров — поворот от романтизма к реализму, к Гоголю и социальным проблемам в жизни бедных людей. «Недаром Достоевский в январском номере „Дневника писателя“ 1877 г. подчеркнул, что он начал свой роман „вдруг“, т. е. круто изменив свои прежние планы. Скорее всего (даже если отнести возникновение первых мыслей о романе к более раннему времени) Достоевский приступил вплотную к работе над „Бедными людьми“ в январе 1844 г., вскоре после окончания перевода „Евгений Гранде“ Бальзака» (1; 464, примеч.).

Комментаторы 1-го академического издания почему-то забывали еще об одном свидетельстве писателя относительно начала

¹¹ Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: В 3 т.. СПб., 1993. Т. 1: 1821–1864. С. 87.

¹² Имя Е. А. Вагина не упомянуто в академическом 30-томнике по политическим мотивам: будучи осужденным в 1968 г. за участие в крупной антисоветской организации (Всероссийский Социал-Христианский Союз Освобождения Народов), он во время выхода в свет первых томов отбывал в лагере назначенный ему срок. К сожалению, оно не восстановлено и во 2-м издании ПСС; см.: *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. и писем: В 35 т. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. СПб., 2013. Т. 1: Бедные люди. Повести и рассказы 1844–1846.

работы над первым романом, поясняющем и это «вдруг», и «в начале зимы». Я имею в виду «видение» на Неве, о котором Достоевский подробно рассказал в «Петербургских сновидениях в стихах и в прозе» (1861)¹³: «Помню, раз, в зимний январский вечер, я спешил с Выборгской стороны к себе домой. Был я тогда еще очень молод. Подойдя к Неве, я остановился на минутку и бросил пронзительный взгляд вдоль реки в дымную морозно-мутную даль, вдруг заалевшую последним пурпуром зари, догоравшей в мгlistом небосклоне». И далее хорошо известная история о неожиданном прозрении молодого человека, случившемся с ним этим зимним вечером среди странного «сна» наяву, среди «фантастической, волшебной грезы»: «Я как будто что-то понял в эту минуту, до сих пор только шевелившееся во мне, но еще не осмысленное; как будто прозрел во что-то новое, совершенно в новый мир, мне незнакомый и известный только по каким-то темным слухам, по каким-то таинственным знакам. Я полагаю, что с той именно минуты началось мое существование...» (19; 69).

«Видение» на Неве заставило молодого мечтателя изменить чувства и мысли, обратив их от выпрєнных и пустых фантазий к гораздо более загадочной и серьезной фантастике, заключенной в обыденной действительности: «**И вдруг**, оставшись один, я об этом задумался. И стал я разглядывать **и вдруг** увидел какие-то странные лица. Всё это были странные, чудные фигуры, вполне прозаические, вовсе не Дон Карлосы и Позы, а вполне титулярные советники и в то же время как будто какие-то фантастические титулярные советники. Кто-то гримасничал передо мною, спрятавшись за всю эту фантастическую толпу, и передергивал какие-то нитки, пружинки, и куколки эти двигались, а он хохотал и всё хохотал! И зашевелилась мне тогда другая исто-

¹³ Об этом вспоминали другие исследователи, см., например: *Бем А. Л.* Первые шаги Достоевского (Генезис романа «Бедные люди») // Бем А. Л. Исследования. Письма о литературе. М., 2001. С. 77 и след.; *Захаров В.* Дебют гения // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Канонические тексты. Петрозаводск, 1995. Т. 1. С. 619; также см.: *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. и писем: В 35 т. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2013. Т. 1. С. 648 (примеч. В. Д. Рака). Не полемизируя с комментаторами первого издания и не приводя серьезных аргументов, В. Д. Рак придерживается соображений И. Д. Якубович, полагая почему-то, вопреки ясному указанию самого Достоевского («В начале зимы я начал вдруг „Бедных людей“, мою первую повесть, до тех пор ничего еще не писавши. Кончив повесть, я не знал, как с ней быть и кому отдать» — 25; 28), что «слова „вдруг“ и „в начале зимы“ относились, вероятно, не собственно к написанию романа, а к зарождению первых, еще расплывчатых очертаний замысла произведения нового рода» (Там же).

рия, в каких-то темных углах, какое-то титулярное сердце, честное и чистое, нравственное и преданное начальству, а вместе с ним какая-то девочка, оскорбленная и грустная, и глубоко разорвала мне сердце вся их история. И если б собрать всю ту толпу, которая тогда мне при-
нилась, то вышел бы славный маскарад...» (19; 71).

Трагическая история «в каких-то темных углах» и мотив злой шутки, гримасничанья того, кто спрятался за толпу и с сатанинским весельем приводил в движение участников отнюдь не веселого маскарада, имеют прямое отношение к «Бедным людям». Ведь если от 8 числа отнять семь дней Творения (включая отдых), то выходит, что первый день Творения совпадает с 1 апреля — днем всеобщего розыгрыша, насмешек и не всегда безобидного обмана.¹⁴ Напомним также стихотворение Лермонтова «И скучно и грустно...» (1840), не раз цитируемое Достоевским в романе, и его заключительные строки:

И жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг, —
Такая пустая и глупая шутка.

У Достоевского, правда, эта шутка и не глупая, и не пустая.¹⁵

1 апреля и злополучная для главного героя первоапрельская буффонада играют основную роль в рассказе Достоевского «Ползунков» (1848). В комментарии Н.М.Перлиной и Г.М.Фридлендера к этому рассказу читаем: «Замысел рассказа относится к 1846–1847 гг. В пользу того, что впервые очертания его фабулы могли возникнуть еще в 1846 г., говорит центральная в рассказе тема первоапрельской шутки, сыгравшей роковую роль в жизни героя: именно в марте–апреле вышел альманах „Первое апреля“; к нему Достоевский и Григорович написали совместно предисловие <...>. Здесь же был помещен „фарс“ Григоровича, Достоевского и Некрасова „Как опасно предаваться честолюбивым снам“. Однако реализован замысел „Ползункова“ был в 1847 г.»¹⁶.

Мне представляется правильной иная связь вещей. Если первоапрельскую тему Достоевский обыгрывает уже в «Бедных людях», то не название некрасовского альманаха «Первое апреля» (ц. р. 5 марта

¹⁴ Подробнее об этом см.: *Ветловская В.* Роман Ф.М.Достоевского «Бедные люди». С. 198 и след.

¹⁵ Там же. С. 178 и след.

¹⁶ См.: *Достоевский Ф. М.* Собр. соч.: В 15 т. Л., 1988. Т. 2. С. 543, примеч. Поскольку к моменту выхода тома в свет Н. М. Перлина выехала в США, ее имя было опущено в этом издании. См. также комментарий Н.М.Перлиной (при участии И.Д.Якубович) в новейшем академическом собрании сочинений: *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 2. С. 633.

1846 г., выход из печати 1 апреля 1846 г. — см.: 18; 301) подсказало писателю главную коллизию рассказа «Ползунков», а напротив — писатель подсказал издателю название нового альманаха вместо запрещенного цензурой «Зубоскала», объявление о котором (Отечественные записки. 1845. № 11) Достоевский написал с таким «успехом», что рекламируемое им издание не увидело свет (см.: 18; 5–10 и 213–214, примеч.). Вероятно, вскоре после этого и был задуман «Ползунков», построенный на комической интриге типа «обманутый обманщик» и совсем не смешном первоапрельском одурачивании.

Отголоски первоапрельской темы, поднятой в «Бедных людях», слышны и в последнем романе Достоевского, в словах Великого инквизитора: «Обливаясь глупыми слезами своими, они (люди. — *В.В.*) сознаются наконец, что создавший их бунтовщиками, **без сомнения, хотел посмеяться над ними.** Скажут это они в отчаянии, и сказанное ими будет богохульством...» (14; 233); в словах Ивана о Великом инквизиторе: «...невелико нравственное блаженство достигнуть совершенства с тем, чтобы в то же время убедиться, что миллионы остальных людей остались **устроенными лишь в насмешку...**» (14; 238), и еще: «На закате дней своих он убеждается ясно, что лишь советы великого страшного духа могли бы хоть сколько-нибудь устроить в сносном порядке малосильных бунтовщиков, „недоделанные пробные существа, **созданные в насмешку**“» (Там же).

Однако в указании на 1 апреля как на первый день Божьего Творения можно усмотреть противоречие традиции и некоторую неувязку. Дело в том, что, согласно понятиям древних евреев, первым днем Творения является 1 марта. Именно с этого дня, открывавшего счет дням создания мира, начинается и каждый новый год (у евреев и у многих других народов Древнего Востока он был лунным), и все библейское времяисчисление — счет лет от сотворения мира.

Год, числящий свои дни, недели и месяцы с 1 марта (прежде всего ввиду его сакрального начала) считался священным: «Месяц Авив, или Нисан <...> соответствующий нашему марту, был началом священного года...» (его именуют также церковным). Помимо священного у евреев был год гражданский: «...месяц Тисри, по счету седьмой, соответствующий нашему сентябрю, считался первым месяцем гражданского года»¹⁷.

¹⁷ См.: Слово в первый день индикта, или Нового года // Жития святых, на русском языке изложенные по руководству Четьих-Миней св. Димитрия Ростовского. 2-е изд. М., 1903. Кн. первая (сентябрь). С. 7. Авив (месяц колосьев) позднее

У древних римлян, еще язычников, придерживавшихся лунного календаря, год тоже начинался с марта. Напоминанием об этом служит нынешнее название некоторых месяцев: сентябрь (т. е. седьмой месяц от начала года), октябрь (восьмой), ноябрь (девятый), декабрь (десятый).

Начало священного (церковного) и гражданского года у евреев привязано к смешивающимся дням весеннего и осеннего равноденствия.

На Руси, с принятия христианства и до 1348 г., новый год исчислялся с 1 марта. Долгое время по инерции так продолжалось и дальше, пока этот счет не вытеснила введенная в 1348 г., но окончательно утвержденная в 1492 г. (постановлением Московского Собора) новая дата, согласно которой начало как церковного, так и гражданского года было перенесено на 1 сентября. В этот день Православная церковь вспоминает приход Иисуса Христа в Назаретскую синагогу и чтение в ней пророчества Исаяи (Ис. 61: 1–2) о наступлении нового, «благоприятного лета» (то есть года): «Ему подали книгу пророка Исаяи; и Он, раскрыв книгу, нашел место, где было написано: Дух Господень на мне; ибо Он помазал Меня благовествовать нищим и послал Меня исцелять сокрушенных сердцем, проповедовать пленным освобождение, слепым прозрение, отпустить измученных на свободу, проповедовать лето Господне благоприятное <...>. И, закрыв книгу и отдав служителю, сел; и глаза всех в синагоге были устремлены на Него. И Он начал говорить им: ныне исполнилось писание сие, слышанное вами» (Лк. 4: 17–21).¹⁸ В этом чтении византийцы увидели указание на празднование дня нового года, который, по преданию, стал увязываться с 1 сентября (ст. ст.).¹⁹

Поскольку месяцы лунного года, ориентированные на движения Луны, не совпадают с нашими месяцами солнечного года, то о прямом соотношении лунных и солнечных месяцев не может быть и речи. Древнееврейский Авив, или Нисан, в который празднуется и ветхоза-

стал именоваться Нисаном (месяцем цветов). Тисри, или Афаним (непрерывный), — месяц, сплошь состоящий из праздников. См.: Библейская энциклопедия. Свято-Троице-Сергиева Лавра, 1990. С. 15, 700, 80. Это издание является репринтным воспроизведением Библейской энциклопедии архимандрита Никифора (М., 1891).

¹⁸ См. об этом: Слово в первый день индикта, или Нового года. С. 9 и след.

¹⁹ С 1582 г. папа Григорий XIII ввел новый календарь, который усвоил название григорианского, с меняющейся разницей дней между ним и старым, юлианским календарем. Указом Петра I от 19 декабря 1699 г. новый год на Руси так же, как на Западе после нововведений Григория XIII, стал исчисляться с 1 января. Однако Православная церковь придерживается прежнего, сентябрьского счета.

ветная, и новозаветная Пасхи, соответствует, строго говоря, не марту, как это обычно говорится, а «второй половине нашего марта и первой половине апреля», так же как Тисри, или Афаним, — второй половине сентября и первой половине октября.²⁰

Итак, Творение мира, начатое в месяце Авиве (Нисане), было, по солнечному счету, в марте – апреле. Следовательно, указание Достоевского на апрель не является ошибкой или художественной вольностью — на самом деле, оно совсем не противоречит традиции.

Но почему именно апрель и только апрель?

На этот вопрос отвечает источник, который писателю был, безусловно, известен. Это стихотворение М. М. Хераскова «Апрель», впервые опубликованное в «Собеседнике любителей русского слова» за 1783 г.²¹ Ввиду важности источника приведем произведение целиком:

Апрель

Дыханьем нежным побежденны,
Седые мразы прочь летят;
От плена их освобожденны,
Потоки вод в брегах шумят.
Полям и рощам обрученна,
Восходит на горы весна,
Зеленой ризой облеченна,
Умильный кажет взор она.
Уготовляя царство лету,
Приблизилось солнце к нам,
Прибавило дневного свету
И жизни хладным сим странам.
Благословенну возвещает
Нам жатву дышащий зефир,
Натура взор к нам обращает
И новый созидает мир.
Я мысли в вечность погружаю
До первых бытия начал
И всю вселенну вображаю,
Когда Господь ей образ дал.

²⁰ См.: Библейская энциклопедия. С. 553, 80.

²¹ По свидетельству брата писателя А. М. Достоевского, на семейных чтениях в доме родителей, где собирались и взрослые, и дети, отдавалось предпочтение старой литературе и почтенным писателям XVIII в. (см.: *Достоевский А. М. Воспоминания*. СПб., 1992. С. 70–71). У Ф. М. Достоевского имя Хераскова мелькает только однажды — в «Ряде статей о русской литературе» (1861) — в связи с «Россиейдой» и в насмешливом контексте.

Невеста будто бы в убранстве,
Является очам земля,
Время цветущих в постоянстве,
Ликут реки, лес, поля.
Стадами покровенны горы,
Там реки, зеркало небес;
Там в рощах раздаются хоры
Поющих птиц между древес.
Весна очам изображает
Первоначально житие,
Творцу вселенной подражает,
Даруя тварям бытие.
Из вечной бездны извлеченна,
Возвеселилась тако тварь,
Земля цветами облеченна:
В селеньи райском твари царь.
Подобной радости вкушенье
Я чувствую в весенни дни,
Вливают в сердце утешенье
И душу веселят они.
Всё то же! только мы забыли,
Чем прежних жизнь людей сладка;
Увы! они невинны были;
Невинность в наши дни редка.
Друг другу мы напоминаем
Желаний наших главну цель;
Апрель обманом начинаем,
Едва ль не весь наш век — апрель.²²

В сходных переносных значениях, что и у М. М. Хераскова, но в серьезном ключе и без насмешки использует знакомые нам понятия и Н. М. Карамзин в «романической истории» «Рыцарь нашего времени» (1802–1803). Светлое начало человеческой жизни, счастливое состояние юной, невинной души у него также соединяется с весной и апрелем: «...Волга, родина и беспечная юность тотчас представлялись его (главного героя. — *В. В.*) воображению, трогали душу, извлекали слезы. Кто не испытал нежной силы подобных воспоминаний, тот не знает весьма сладкого чувства. Родина, апрель жизни, первые цветы весны душевной!».²³ Отсылки к началу Творения и к Богу Творцу у Н. М. Карамзина возникают в сложной перекличке мотивов и широком кон-

²² Херасков М. М. Избр. произведения. Л., 1961. С. 136–137.

²³ Карамзин Н. М. Избр. соч.: В 2 т. М.; Л., 1964. Т. 1. С. 767.

тексте. Однако связь стихотворения М.М.Хераскова с «Бедными людьми» гораздо очевиднее и теснее. Именно этот источник, обнаруживающий значимую культурную традицию, позволяет, как думается, поставить окончательную точку в рассуждении о правомерности символического осмысления апрельской темы в первом романе Достоевского. Разговор об этом мог бы быть продолжен, но он требует другой по объему работы.